

О.А. БАКЛАНОВА, И.С. БАКЛАНОВ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА

***Аннотация:** Исследуются теоретические основания осмысления феномена социальности. Основываясь на идеях социального конструкционизма в качестве методологической базы социального исследования, авторы констатируют необходимость рассмотрения изменения функций и диспозиции социальных структур. Обосновывается необходимость исследования типологии современной российской социальности как многоуровневой и многоплановой проблемы. Также в работе акцентируется внимание на существование в современных российских условиях жесткого моно-индивидуализма, возникшего из псевдо-коллективизма тоталитарной системы.*

***Abstract:** The authors analyze theoretical bases for conceptualizing sociality. Based on ideas of social constructivism as a methodological ground for social research, they state the need of considering a change in functions and a disposition of social structures. The article argues for a need to study the typology of modern Russian sociality as a multilevel and multidimensional problem. The article also accentuates the rigid mono-individualism prominent in contemporary Russia, and stemming from a pseudo-collectivism of the previous totalitarian system.*

***Ключевые слова:** социальное развитие, социальные трансформации, социальный конструкционизм, социокультурный конфликт, социальность, типология социальности, постмодернизм, коллективизм, индивидуализм, интерсубъективизм.*

***Keywords:** social development, social transformations, social constructivism, socio-cultural conflict, sociality, typology of sociality, postmodernism, collectivism, individualism, inter-subjectivism.*

Бакланова Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь). E-mail: mikeewa@yandex.ru;

Бакланов Игорь Спартакович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь). E-mail: baklanov72@mail.ru.

Современная социальность неуловима в конечных дефинициях, ее описание уже изначально дискурсивно и полисеманлично. Общеизвестно, что для нынешних процессов социальной динамики. В нынешнем мире социальность трансформируется настолько пластично, что почти не имеет смысла говорить об «устойчивых» социальных структурах, институтах и практиках, да и сам человек в этих условиях «выступает как вариативная и самонастраивающаяся система»¹, у которой даже примордиальная форма идентичности как этническая идентичность фактически в современном обществе конструируется². В связи с этим постоянное изучение и осмысление социальных трансформаций становится весьма актуальным, так как в современном мире происходит практически постоянная и повсеместная перестройка элементов социальной системы³ и пере-структурация и пере-типизация жизненного мира индивидуально-социального субъекта⁴, в связи с чем происходит нарастание рисков развития общества⁵. И это, в свою очередь, актуализирует поиск адекватной методологической схемы, активно включающей и полномасштабно задействующей динамический аспект.

Социальный конструкционизм как объяснительная схема берет свое начало в феноменологии (А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Дж. Дуглас), этнометодологии (Г. Гарфинкель) и символическом интеракционизме (И. Гофман, Дж. Мид, Г. Блумер). Эти ученые начали выводить логику исследования социального мира от человеческой субъективности (как точки отсчета) через символические медиумы и криптонормированные феномены культуры к таким высоким генерализациям как социальность, социальное бытие и пр. Такая логика явно или имплицитно акцентировала внимание на человеке и его повседневности, поскольку именно оттуда, произрастали корни социального мира: непрерывно участвуя в повседневных практиках, люди удостоверяют, поддерживают основные смысловые значения социальности, однако при этом, сдвигают эти структуры в некотором направлении, задаваемом запросом общества, возни-

¹ Резник Ю.М. Бытие человека как реальность: уровни постижения // Вопросы социальной теории. – 2011. – Том V. – Вып. 1 (2). – С. 53.

² Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 396-408.

³ Бакланов И.С. Тенденции социальной динамики и когнитивные процессы: на пути к обществу ультрамодерна // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2008. – № 4. – С. 67-73.

⁴ Резник Ю.М. Человек в пространстве трансперсонального взаимодействия // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. XIV. – № 4. – С. 83-100.

⁵ Душина Т.В., Микеева О.А. «Общество риска» как репрезентативная модель современно-го социума // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI. – № 4. – С. 196-202.

кающими инновациями, внутренней логикой развития социальных и культурных форм.

С точки зрения А. Шюца, «все наши знания о мире, как обыденные, так и научные, содержат конструкции, то есть наборы абстракций, идеализаций, особенных для каждого соответствующего уровня организации мысли. Строго говоря, таких вещей, как точные и простые факты, не существует. Все факты с самого начала отобраны из общего контекста с помощью нашего мышления»⁶. Этот тезис впоследствии поддержали и развили Г. Миллер и Дж. Холстейн, опиравшиеся на концепцию Э. Дюркгейма о коллективных представлениях, наиболее подходящую конструкционистскому подходу⁷.

Постоянно соотносясь между собой и целыми общностями в полях символических медиумов⁸, названных в социальном конструкционизме «конструктами», индивиды воспроизводят ту «матрицу» социальности, ценностные иерархии которой они интериоризировали. Причем, всё время интерпретируя и меняя.

Изменения могут происходить как минимум, в трех направлениях: ускорение или замедление *динамики* общественного развития, изменение *функции и диспозиции* социальных структур, смещение по оси «вертикаль-горизонталь» социальных *структур*, форм социального контракта и пр. Все три параметра социального измерения находятся в непосредственной взаимосвязи и образуют более-менее устойчивую конфигурацию, которая, как было замечено целым рядом исследователей, может создавать большую или меньшую инерционность развития, которую часто упоминают, используя термин «колея».

Выход на новые траектории социального развития и смена типа социальности – процессы достаточно сложные и связанные с воздействием на систему множества внешних и внутренних факторов, как *объективного*, так и *интерсубъективного* характера. Во многом изучение этих траекторий, и движение «по ним» можно описать в методологическом формате школы ценностных конфликтов (У. Уоллер, Р. Фуллер, Р. Майерс)⁹.

⁶ Schutz A. *Collected papers I: The Problem of Social Reality*. – The Hague, 1973. – P. 5.

⁷ Loseke D. *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives* (Social Problems and Social Issues). 2nd ed. – Hawthorne, NY. 2003. – P. 197.

⁸ Бурдые П. Социология социального пространства. – М.; СПб. 2005.

⁹ See: Waller W. Social Problems and the Mores // *American Sociological Review*. – 1936. – № 1 (6). – Pp. 922-933; Fuller R.C., Myers R. R. Some Aspects of a Theory of Social Problems // *American Sociological Review*. – 1941. – Vol. 6. – February. – P. 24-32; Fuller R.C., Myers R.R. The Natural History of a Social Problem // *American Sociological Review*. – 1941. – Vol. 6. – June. – P. 320-326.

Как нам кажется, главная их заслуга заключается даже не в признании субъективного фактора в формировании и инерционном удержании социальных структур и не в критике абсолютизации объективных обстоятельств (М. Спектор и Дж. Китсьюз в работе «Конструирование социальных проблем»)¹⁰. Главной заслугой и несомненно заслуживающим методологическим инструментом данных ученых можно считать обращение не к самим социальным проблемам и особенностям общества, а их социокультурному контексту, то есть, социальным ожиданиям, противоречиям или, напротив, противоречивости социального запроса (на уровне индивида — «claim»), социальное «одобрение» или «порицание» тех формальных и неформальных правил, определяющих поведение людей в данном обществе.

М. Спектор и Дж. Китсьюз снимают, таким образом, мертоновское различие между самой социальной проблемой и тем, что общество или группа маркирует как «действительную проблему». Социальные проблемы определяются формами человеческой активности и степенью конвергенции/дивергенции с текущим социальным запросом. Сами же траектории изменения социальности можно определять, исходя из определений гуссерлевой пары «ретенция-протенция»: общество инерционно удерживает, фиксирует представления прошлых состояний, и, в то же время, превосхищает некоторую логику развития событий. Так, рассматривая динамический аспект российской социальности в формате социального конструкционизма, мы можем обнаружить очень мощные культурные ретенциальные механизмы, задающие культурную историческую инерцию, вот уже в течение трехсот лет в различных вариантах создающие эффект «колеи», инспирирующие модернизационные срывы, и реставрацию после них привычных форм социальной организации.

Нельзя сказать, что социальный конструкционизм полностью отвергает наличие объективных факторов в организации социальности, однако их роль, действительно, ограничена. Объективные факторы связаны с тем, насколько эффективным для потребностей общественного развития становится текущий тип социальной организации. Именно эти характеристики «эффективности, успешности» можно отнести к объективным факторам, хотя, их также можно назвать интерсубъективными, поскольку критерии успешности — в большой степени конвенциональны.

Каждый тип социальности, выработав свой ресурс, становится неэффективным, и постепенно вытесняется, вымывается новыми практиками, переходя сначала в этап, который рефлексивируется с приставкой

¹⁰ Spector M., Kitsuse J. *Constructing Social Problems*. — Menlo Park, CA. 1977.

«пост», а затем радикально отторгает прошлое качество и набирает новые качественные характеристики и переходит в новый социальный тип. Вытесненный тип социальности, однако, не исчезает, а откладывается в свернутом, латентном виде в общественном сознании, и при кризисе или национальной катастрофе всегда может восстановить свои ценности в масштабах общества.

Российская социальная теория также успешно восприняла методологический формат социального конструкционизма, несмотря стойкую традицию решать вопросы, связанные с определениями социальности в объективистском ключе. Однако данный подход не лишен некоторых недостатков методологического характера. Во-первых, он сконцентрировал свое внимание на рассмотрении «успешных» социальных запросов и оставляет практически без учёта неуспешный запрос (который, тем не менее, существует, и, не будучи реализованным, сублимируется, уходит в неформальные социальные практики, подтачивая, таким образом, реализацию «успешного», создает институциональные ловушки, порождает «социальные невроты», парадоксальную рефлексивность и пр.).

Второй особенностью, за которую социальный конструкционизм подвергся критике, стала «безоценочность», приписанная ему М. Спектором и Дж. Китсьюзом. С ценностями связан ряд субъективных и интерсубъективных факторов, определяющих изменение или сохранение социального типа. Механизмом этого воздействия становится постоянное удовлетворение или не удовлетворение тех запросов и ожиданий, которые социальные субъекты имеют в отношении общества¹¹. Причем, постоянно неудовлетворенный запрос вполне может быть (и часто бывает в «терапевтических» целях) замещен мифологемой или целой сцепкой мифологем, искажающих представление индивидов о том обществе, в котором они живут или истории этого общества.

Одним из таких мифологических представлений, которое устойчиво передается российским общественным сознанием, является идея о том, что российское общество — это общество коллективизма. Это представление некритично передается многими поколениями ученых, однако анализ социальных форм, которые имела дореволюционная Россия, показывает, что никакого всеобщего коллективизма в российском обществе фактически не было.

Третьим пунктом критики социального конструкционизма можно указать продолжение одного из его достоинств — отказ от объективизма и близость к постмодернизму. «Недостатком» в данном случае счи-

¹¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. — М., 2000. — С. 334.

тается утрата универсальных критериев справедливости как норм существования социальных институтов (Д. Лосик), радикальный отказ от поиска «правды» и «правильного» способа анализа социальности. В конечном счете, это обвинение сводится к релятивизму и цинизму, однако, разработчики и адепты социального конструктивизма (Дж. Кларк и Э. Кочрейн, Д. Лосик) эти обвинения в цинизме оспаривают, ссылаясь на оптимистичные прогнозы относительно текущих социальных изменений.

Контекстуальный социальный конструкционизм, в отличие от «строного», охватывает социальный запрос в социально-историческом и культурном контексте, предполагая при этом, что социальные и культурные изменения в обществе практически всегда несколько (а иногда ? существенно) диахронны в отношении друг друга. И степень их дивергенции создает уровень социокультурной напряженности в обществе, то есть, именно те «условия» и «предпосылки», которые историки эмпирически фиксируют при анализе кризисов и национальных катастроф.

Причем, социальному конструкционисту «приходится» иметь дело не с объективными структурами общества, а всегда — с некими представлениями о нем, иллюзиями общества относительно себя самого и степени объективности знаний о нем. Д. Лосик в «Размышлениях о социальных проблемах» подчеркивает: «Контекстуальный конструкционизм позволяет аналитику создать некоторые отсылки или иллюзии по поводу объективного мира, пока он осторожно это делает, и пока вопросы тесно связаны с процессом создания человеческого смысла»¹².

Резюмируя сказанное относительно концепции социального конструкционизма, подчеркнем, что в качестве методологической базы социального исследования он имеет ряд преимуществ.

Преимущество социального конструкционизма заключается также и в задействовании динамического аспекта социальности, то есть, решительном отказе от рассмотрения социальным проблем в статичной проекции и вычерчивание их в определенной процессуальной последовательности событий, реализующихся согласно (или, напротив, в противовес) существующему социальному запросу. Это позволяет вполне релевантно описывать в формате социального конструкционизма трансформирующееся общество, трансформационные сдвиги, позволяет говорить о «кризисе» (поскольку кризис — это всегда темпоральная, временная характеристика, там, где нет динамического измерения — не может идти речь о кризисе).

¹² Loseke D. *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives* (Social Problems and Social Issues). 2nd ed. — Hawthorne, NY. 2003. — P. 198.

Социальный конструкционизм может успешно выступать методологической базой для определения социальной «повестки дня» и текущих (ретенциальных-протенциальных) форм социального контракта общества и власти. Причем, он, на наш взгляд, вполне удачно вмещает в себя представления о том, что современная социальность многоосновна, полифундаментальна, что принципиально важно для наших исследований.

Социальность как способ взаимосвязи людей, тип общественной социации (и, типологически соответствующая ему специфика функционирования социальных структур) в динамическом срезе жизни общества представляет собой не развертку единого инвариантного типа, а, как нам представляется, вариации разных видов и палиаций социальности в довольно широком типологическом диапазоне. Речь в данном случае пойдет об одном социальном организме, а не о различных, сопряженных друг с другом и качественно диффундирующих социальных системах.

В качестве «чистых» типов моносоциальности теории общества классически выделили коллективизм и индивидуализм, однако это эти типы представляют собой модели, теоретические редукции, которые на практике всегда проецируются на культурные особенности и в результате образуют самобытные палиации, иногда даже не вполне очевидные, например, идеологически замаскированные под иные типы («псевдо»-типы или успешно функционирующие мифоконструкты: такие, к примеру, как советский «коллективизм»).

При этом мы стремимся учитывать в рассмотрении российской социальности диалектику общего и индивидуального уровней, фиксируя ее в следующей *методологической установке*: социальность — это феномен не объективный, она не существует независимо от своих субъектов¹³. Однако это и не сугубо субъективный феномен, поскольку выходя на более высокий, надындивидуальный уровень, социальность демонстрирует ряд «объективных» характеристик. В целом, концепт социальность как раз и является интегральным понятием, диалектически объединяющим все эти уровни (этажи) общественной жизни, от частно-индивидуальной до самой общей, социально-исторической. Причем каждый из этих уровней имеет собственное социокультурное преломление (пространственно-временные, культурные, социальные характеристики и пр.).

¹³ Гречко П.К. Социальное: диспозиционно-коммуникативная перспектива исследования // Вопросы социальной теории. — 2008. — Том II. — Вып. 1 (2). — С. 112-132; Гречко П.К. Новая социальность: опыт интерпретации // Вопросы социальной теории. — 2009. — Т. III. — С. 302-317.

Наиболее же операциональным для социально-философского исследования, как мы полагаем, является тот диапазон общественных связей и отношений, который описан в социальной теории как интерсубъективный, поскольку он уже в достаточной мере «оторван», абстрагирован от приватной повседневной жизни индивида, и в то же время, не слишком выхолощен высокой редукцией.

Главное в диалектической взаимосвязи социальности и ее субъекта заключается во взаимной дополнительности и взаимной воспроизводимости: социальность является матрицей по воспроизводству субъекта (и этот процесс хорошо описан теми науками, которые интересуются социализацией индивида). Однако и сама эта матрица не самодостаточна, она непрерывно воспроизводится и корректируется теми субъектами, которые ее поддерживают в рамках социальной системы. Это воспроизведение происходит посредством деятельности всех субъектов социальной системы, через функционирование институтов, через интериоризацию, постоянное удостоверение и подкрепление социальных практик как наиболее приемлемых.

Если в целом практики в обществе устойчивы, а институты эффективны, то исследователи маркируют такое общество как «стабильное», устойчивое и пр. Если практики все время смещаются в ту или иную сторону, институты размыты, истощены и неэффективны, сознание субъектов чаще всего сигнализирует об этой ситуации как о кризисной. И в данном случае уже имеет смысл говорить о какой-либо переходной форме общества или любого вида неустойчивости, при которой трансформируются социальные структуры и их конкретное наполнение.

Динамическое измерение социального конструкционизма также поддерживает и обогащает идею о том, что социальность — это своеобразная «результатирующая» действия двух антагонистичных процессов — социальных трансформаций и культурных изменений. Культура развивается гораздо медленнее, чем социальная сфера, соответственно, культурные воздействия чаще всего выступают как амортизаторы, регуляторы и своего рода ингибиторы социальных изменений, а в результате, как «гаранты стабильности» общества.

Встреча социального и культурного изменений происходит на всех уровнях, но очевиднее она на уровне социального субъекта, который в современном обществе отчетливо и артикулировано сигнализирует о конфликте (диалектике) традиций и инноваций, сложности выбора, дилеммах и пр. Однако именно такое взаимодействие (которое стало заметно лишь в современном обществе, в котором социальные структуры стали изменяться очень динамично), содержащие в себе элемент инно-

ваний, смещает исторически сложившуюся воспроизводственную деятельность общества в сторону развития. Механизмом общественного развития выступает именно дуальная оппозиция «старого-нового», а культура возникает как итог медиации, разрыва ограничителей старых культурных рамок¹⁴.

Можно предположить, что социальное развитие общества происходит не автоматически, а когерентно, согласованно с культурным развитием. Качество социальности (моно-, поли-, псевдо-социальность) и есть своеобразный маркер качества этого взаимодействия: при конвергенции социального и культурного развития наблюдается увеличение гомогенности, то есть, отклонение в сторону моносоциальности, при дивергенции, напротив, возрастает гетерогенность, общество отклоняется в сторону плюралистической социальности. Если эти векторы на каком-то этапе истории становятся разнонаправленными, это всегда чревато серьезной социальной дезорганизацией и внутренними социокультурными конфликтами, поскольку общество не может использовать культуру для налаживания системы социальных отношений.

Такой социокультурный конфликт может грозить национальной катастрофой, в России XX в. он привел к парадоксальным и тяжелым последствиям — тоталитаризму в обществе и «псевдоколлективизму» в типологизации социальности. После распада тоталитарной системы этот псевдоколлективизм выродился в жесткий «атомизированный» моноиндивидуализм, который сейчас активно обогащается реставрированными архаичными сакрально-мифологическими практиками и паттернами общественного сознания. В переводе на язык социального конструкционизма можно сказать о том, что имеет место содержательный раскол между обществом как культурным текстом и текстом социальных запросов, который далеко еще не изжит и продолжает разрываться противоречиями каждой личность российской социокультурной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А.С. Логика культуры и динамика циклов // Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве. — М., 2004. — С. 113-130.
2. Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. — 2010. — Т. 4. — С. 396-408.
3. Бакланов И.С. Тенденции социальной динамики и когнитивные процессы: на пути к обществу ультрамодерна // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. — 2008. — № 4. — С. 67-73.
4. Бурдые П. Социология социального пространства. — М.; СПб, 2005.

¹⁴ Ахиезер А.С. Логика культуры и динамика циклов // Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве. — М., 2004. — С. 113-130.

5. Гречко П.К. Новая социальность: опыт интерпретации // Вопросы социальной теории. – 2009. – Т. III. – С. 302-317.
6. Гречко П.К. Социальное: диспозиционно-коммуникативная перспектива исследования // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2. – Вып. 1 (2). – С. 112-132.
7. Душина Т.В., Микеева О.А. «Общество риска» как репрезентативная модель современного социума // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI. – № 4. – С. 196-202.
8. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2000.
9. Резник Ю.М. Бытие человека как реальность: уровни постижения // Вопросы социальной теории. – 2011. – Том V. – С. 52-82.
10. Резник Ю.М. Человек в пространстве трансперсонального взаимодействия // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. XIV. – № 4. – С. 83-100.
11. Fuller R.C., Myers R.R. The Natural History of a Social Problem // *American Sociological Review*. – 1941. – Vol. 6. – June. – P. 320-326.
12. Fuller R.C., Myers R.R. Some Aspects of a Theory of Social Problems // *American Sociological Review*. – 1941. – Vol. 6. – February. – P. 24-32.
13. Loseke D. *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives* (Social Problems and Social Issues). 2nd ed. – Hawthorne, NY, 2003.
14. Schutz A. *Collected papers I: The Problem of Social Reality*. – The Hague, 1973.
15. Spector M., Kitsuse J. *Constructing Social Problems*. – Menlo Park, CA, 1977.
16. Waller W. Social Problems and the Mores // *American Sociological Review*. – 1936. – № 1 (6). – P. 922-933.